

СЛОВО О РАЗОРЕНИИ ГОРОДА РИМА

Текст приводится по изданию: "Вестник древней истории". 2001 г. №2. Предисловие и перевод с латинского С.А. Степанцова.

Проповедь блаженного Августина, названная позже «Слово о разорении города Рима», была произнесена им вскоре после взятия Рима Аларихом в 410 г., как явствует из его слов о «недавнем разорении столь великого города». Главный вопрос, который Августин решает перед слушателями: за что Рим постигла такая страшная кара? Означает ли это, что великий город погряз в беспросветной греховности? Кажется, что в обществе распространено было именно такое суждение. Ведь согласно библейскому повествованию, которое вспоминает Августин, Бог сказал Аврааму, что пощадил бы даже Содом, если бы в нем нашлось хотя бы десять праведников. Августин дает более сложное объяснение происшедшему: хотя по божественной мере в мире нет вообще ни одного праведного человека, однако Рим все-таки не был разрушен полностью (в отличие от Содома), а если при его разорении и погибли невинные и праведные люди — для них это скорее освобождение от мук временной земной жизни. Стало быть, все происшедшее надо воспринимать не как наказание, а как увещевание. Проповедник не использует бедствие для устрашения паствы, но утверждает независимость от земных невзгод и сосредоточенность на внутренней жизни как христианский идеал. Некоторые темы «Слова» предвосхищают трактат «О Граде Божиим», что без труда увидит читатель.

Проповедь интересна еще и тем, что для сопоставления с плачевными событиями в Риме довольно подробно описывается бедствие (*calamitas*) в Константинополе «при императоре Аркадии». Об этом бедствии Хроники Проспера и Марцеллина упоминают как о землетрясении, в описании же Августина оно выглядит как ряд атмосферных явлений неясной природы¹. Беглое упоминание Августином того, что среди слушателей могут находиться свидетели событий в Константинополе, породило предположение о том, что проповедь могла быть произнесена в Константинополе, однако подтвердить эту догадку нечем.

Лучшим изданием текста «Слова» является издание М.В. О'Рейли в его диссертации: *Sancti Augustini De Excidio Urbis Romae Sermo: A Critical Text and Translation with Introduction and Commentary* (Patristic Studies. № 89) Washington, 1955 = *Corpus Christianorum. Series Latina. V. 46*. Turnhout, 1969. Перевод, выполненный по бенедиктинскому изданию, воспроизведенному в Латинской патрологии Миня, сверен с критическим текстом. В квадратные скобки заключены позднейшие заголовки смысловых разделов проповеди.

Новейшую литературу по вопросам, связанным со «Словом», см. в статье: *Fitzgerald A.D. De Excidio urbis Romae sermo // Augustine through the Ages / Gen.*

I. 1. [Прибегая к примеру Даниила, исповедавшего свои грехи, опровергает тех, кто из-за разорения Рима ропщет на Бога. Кого знаменуют собою Ной, Даниил и Иов.] Рассмотрим первое зачало из книги святого пророка Даниила, где, как мы слышим, пророк молится и, к нашему удивлению, исповедует не только грехи своего народа, но и свои собственные. После самой молитвы, слова которой являют его не только просителем, но и исповедником, после этой самой молитвы он говорит: *Когда молился я и исповедовал грехи мои и грехи народа моего Господу Богу моему* (Дан. 9:20²). Кто же может объявлять себя безгрешным, если Даниил исповедует собственные грехи. Вот и некоему гордецу сказано было через пророка Иезекииля: *Разве ты мудрее Даниила?* (Иез. 28:3) Кроме того, этого Даниила Бог поставил в числе трех святых мужей, которыми ознаменовал три рода людей, коих хочет избавить, когда великая скорбь постигнет род человеческий, и сказал, что никто от нее не избежит, кроме Ноя, Даниила и Иова (Иез. 14:14). Притом ясно, что этими тремя именами Бог знаменует, как я уже сказал, некие три рода людей. Ибо почтили эти три мужа, и души их у Бога, а тела их сгнули в земле; они ожидают воскресения и поставления одесную и уже не боятся никакой скорби в этом мире, от которой они желали бы избавиться. Как же будут избавлены от скорби Ной, Даниил и Иов? Когда Иезекииль говорил об этом, пожалуй, только Даниил был в теле. Ибо Ной и Иов уже давно к тому времени почтили и в смертном сне приложились к отцам. Как же могли быть избавлены от надвигающейся скорби те, кто уже давно освободился от плоти? Однако Ной знаменует собою добрых предстоятелей, которые правят и окормляют Церковь, подобно тому как Ной во время потопа окормлял ковчег. Даниил знаменует собой всех святых воздержников, Иов — всех, праведно и добродетельно живущих в супружестве. Эти-то три рода людей освободит Бог от скорби. Сколь достохвальным оказался Даниил, ясно из того, что он удостоился быть названным в числе этих трех, и, однако же, он исповедует грехи свои. А если Даниил исповедует грехи свои, чья гордыня не содрогнется? Чье надмение не будет подавлено? Чья спесь, чье превозношение не будет обуздано? Кто похвалится, что сердце его чисто, и кто похвалится, что он чист от греха? (Притч. 20:9).

II. [Почему Бог не пощадил великий город ради праведников. «Праведный» по двум мерам.] Люди дивятся — о, если бы они только дивились и не доходили до богохульства — когда Бог наказует род человеческий и ударами отеческого исправления взыскивает, до суда подавая научение, и часто бичует без разбора, чтобы избавить от осуждения. Ибо он бичует вместе праведных и неправедных; впрочем, кто праведен, если даже Даниил исповедует собственные грехи?

2. Несколько дней назад читалось зачало из книги Бытия, которое, если я не ошибаюсь, привлекло внимание многих. Там Авраам говорит Господу: если бы тот

нашел в городе пятьдесят праведников, пощадил бы он город ради них или вместе с ними погубил бы город? И ответил ему Господь, что если бы нашел в городе пятьдесят праведников, то пощадил бы город. Тогда Авраам продолжил испытывать и спросил, пощадит ли он город, если будет на пять меньше и останется сорок пять. Отвечал Господь, что пощадит и ради сорока пяти. Стоит ли долго говорить? Мало-помалу, расспрашивая и отнимая от первоначального числа, дошел он до десяти и спросил у Бога: если он найдет десять праведников, погубит ли их вместе с остальными бесчисленными дурными людьми или же скорее ради десяти праведников пощадит город? Ответил Бог, что и ради десяти праведников не погубит города (Быт. 18: 23-32). К чему мы об этом говорим, братья? Перед нами встает важный и настойчивый вопрос, и более всего его предлагают те люди, которые по нечестию строят козни против наших Писаний, а не исследуют их во благочестии. Они говорят, особенно по поводу недавнего разорения столь великого города: «Разве не было в Риме пятидесяти праведников? Среди такого числа верных, среди такого числа монашествующих, воздержников, среди такого числа рабов и рабынь Божиих ни пятидесяти праведников не нашлось, ни сорока, ни тридцати, ни двадцати, ни десяти? А если это невероятно, то почему ради пятидесяти или хоть ради десяти праведников Бог не пощадил этого города?» Писание не обманывает, если человек сам не обманывается. Когда вопрошают о праведности и когда Бог отвечает о праведности, он ищет праведных по божественной мере, не по мере человеческой. Поэтому я без промедления отвечаю: либо он нашел там столько праведников и пощадил город, или, если он не пощадил города, то и праведников там не нашел. Но мне ответят: ясно, что Бог не пощадил города. Отвечу: а мне совсем не ясно. Этот город не был погублен, как был погублен Содом. (Речь ведь шла о Содоме, когда Авраам вопрошал Бога.) И Господь сказал: *Не погублю города*, но не сказал: «Не накажу города». Содом он не пощадил, Содом он до основания уничтожил огнем, не откладывая его до суда, но совершил с Содомом то, что для прочих грешников сберег на суд. Решительно никто из Содомы не избежал гибели, не осталось там ни одного человека, ни скота, ни дома, все совершенно поглотил огонь. Вот как Господь погубил город! А из города Рима сколь многие вышли и вернутся, сколь многие остались там и избежали гибели, сколь многих в священных местах даже тронуть не посмели! «Но многих, — скажут мне, — увели в плен». — Так и Даниила, и не в наказание ему, а в утешение другим. «Но многих, — скажут, — убили». — Так и многих праведников и пророков от Авелевой крови до крови Захарии (Мф. 23:35), так и многих апостолов, так и самого Господа пророков и апостолов. «Но многие, — скажут, — подвергнуты были разным мучениям». — Что же, неужели кто-нибудь пострадал больше Иова?

3. Страшные вести дошли до нас: учинена резня, поджоги, грабеж, убийства, истязания людей. Это правда, многое нам пришлось услышать, обо всем мы сокрушались, часто оплакивали, едва ли утешились — не отказываюсь, не отрицаю, что много страшного мы слышали, много страшного произошло в этом городе.

III. [При разорении Города не случилось ничего более тяжкого, чем беда Иова.] И все же, братья мои — слушайте внимательно, возлюбленные, что я вам скажу — мы

слышали из книги святого Иова, что, потеряв имущество, потеряв сыновей, он и плоть свою, которая одна только у него и оставалась, не смог сохранить безболезненной, но, пораженный тяжким недугом от головы до ног, сидел он на гноище, истлевающая от язв, истекая гноем, киша червями, истерзанный острейшими муками боли. Если бы нам сообщили, что весь город сидит, сидит, говорю я, весь город без единого здорового в тягчайшей болезни и что живые так растлеваются червями, как растлевались мертвые, — что было бы тягостнее: это или та война? Думаю, железо меньше наносит ран человеческой плоти, чем черви; легче стерпеть, как из ран струится кровь, чем как из тлеющей плоти сочится гной. Ты видишь, как разлагается труп, и содрогаешься, но здесь меньше боли, потому что отсутствует душа. Что же чувствовала душа, присутствовавшая в Иове, связанная, чтобы не могла убежать, обреченная болезнованию, подстрекаемая к богохульству? Однако Иов вынес эту скорбь, и вменилось ему это в великую праведность. Значит, смотреть надо не на то, что человек претерпевает, но на то, что он при этом делает. Человек, в том, что ты претерпеваешь, нет твоей власти; в том, что ты делаешь, — воля твоя показывает себя виновной или невиновной. Иов страдал, а не тронутая страданиями жена стояла, не в утешение, а во искушение, не цельбу предлагая, а хуле научая: *Скажи нечто на Бога и умри*. Посмотрите, каким благодеянием была бы для него смерть, и этого благодеяния никто ему не давал. Во всем этом, что выносила святая душа, упражнялось терпение, испытывалась вера, побеждался диавол. Великое зрелище, и в мерзости тления славная краса добродетели. В тайне разоряет враг, открыто увещевает ко злу врагиня, помощница диаволу, а не мужу, новая Ева; но он не ветхий Адам. *Скажи нечто на Бога и умри*. Хулой исторгни то, чего не можешь выпросить молением. *Ты сказала, — говорит Иов, — как одна из безумных женщин. Если блага принимаем мы из руки Божией, неужели беды не понесем?* (Иов. 2:10) Он отец, неужели нам любить его, когда он ласкает, и отвергать, когда исправляет? Разве не отец он и когда обещает жизнь, и когда налагает наказание? Не забыла ли ты слова: *Сын мой, приступая к служению Богу, стань в правде и страхе? и уготовь душу твою к испытаниям. Все, что тебе выпадет, принимай, и печали выноси, и в смирении твоём имей терпение, ибо серебро и золото искушаются в огне, люди же испытываются в горниле смирения* (Сир. 2:1-5). Не забыла ли ты: *Кого любит Господь, наказует, и бичует всякого сына, которого принимает* (Притч. 3:12; Евр. 12:6).

IV. 4. [Сколь легки мучения временные по сравнению с геенной]. Помысли любые истязания, прости воображение к любым мукам человеческим в этой жизни, сравни их с геенной — и все, что ты помыслишь, окажется легким. Здесь истязатель и истязуемый временные, там — вечные. Разве до сих пор страдают те, кто пострадал во время разорения Рима? А богач тот до сих пор страдает в преисподней (Лк. 16:19-26). Он горел, горит и будет гореть, будет жить вплоть до суда, примет плоть, но не во благо себе, а в наказание. Убоимся этих мук, если мы боимся Бога. Что бы человек ни претерпел здесь, если он исправляется, это к улучшению, если и тем не исправляется, то к двойному осуждению. Ибо здесь он отбывает временное наказание, а там примет вечное наказание. Говорю вам, возлюбленные братья: конечно, мы восхваляем святых мучеников, прославляем их, дивимся им, дни их

празднуем с благочестивой торжественностью, пред заслугами их благоговеем и, если можем, подражаем им. Велика поистине, велика слава мучеников, но не знаю, меньше ли была слава Иова; хоть ему и не говорили: «Возложи ладан идолам, принеси жертву чуждым богам, отрицай Христа», но говорили: «Похули Бога». И не говорили ему с таким смыслом: если похулишь — вся зараза отступит и вернется здоровье; но бессмысленная и бестолковая женщина говорила: «Если похулишь, умрешь и, умерев, избавишься от мук». Как будто умерший богохульник не наследует вечной муки! Глупая женщина боялась тяготы теперешней язвы, а о вечном огне она нисколько не думала. Он же переносил настоящую беду, чтобы не впасть в будущую. Удерживал он сердце от злого помышления, язык от злого слова, при телесной язве сохранял здоровье души. Он видел, чего избегает в будущем, и поэтому сносил то, чем страдал. Так же пусть всякий христианин, когда придется ему страдать от телесного уязвления, помышляет о геенне и увидит, как легко то, что он претерпевает. Пусть не ропщет он на Бога, пусть не говорит: «Боже, что я тебе сделал? За что терплю такое?» Но пусть скажет то, что сказал Иов, хотя и был святым: *Ты исследовал все грехи мои, и как бы в мешке запечатал их* (Иов. 24:16-17³). Не посмел сказать о себе, что он без греха, человек, который страдал не в наказание, но во оправдание. Так пусть и говорит всякий, когда страдает.

V. 5. [Не было ли в Риме праведников, ради которых стоило пощадить город? У всех есть грехи, которые можно непритворно исповедовать.] Было в Риме пятьдесят праведников, и даже, если смотреть по человеческой мере, тысячи праведников; если по мерилу совершенства, — то ни одного там не было праведного. Кто в Риме осмеливается называть себя праведным, тот не от меня слышит: *Разве ты мудрее Даниила?* (Иез. 28:3) А потому слушай, как тот исповедует грехи свои (Дан. 9:20). Или, может быть, он лгал, когда исповедовал? Значит, в том и был грех, что он лгал Богу о своих грехах. Но иногда люди вступают в спор и говорят: «И праведный человек должен говорить Богу, что он грешен, хотя бы он и знал, что у него нет никакого греха, пусть все равно говорит Богу: *Есть у меня грех*». Удивляюсь: можно ли назвать это здравым рассуждением? Кто дает тебе возможность быть без греха? Разве не Бог, который исцеляет душу твою? Но это если у тебя нет греха. Ибо, поразмыслив, найдешь, и не грех, а грехи. Однако если и вовсе нет у тебя греха, разве это не благодеяние того, кому ты сказал: Я сказал: *Господи, помилуй меня, исцели душу мою, ибо я согрешил пред тобою* (Пс. 40:5)? Стало быть, если твоя душа без греха, то твоя душа всячески исцелена, если же исцелена всячески душа твоя, почему ты не благодарен своему врачу и говоришь, что до сих пор еще есть рана там, где уже восстановлено полное здоровье? Если бы ты показал врачу свое чахлое и израненное тело, и попросил излечить его, и он бы сделал так и вернул бы тебе здоровье и невредимость, а ты все еще говорил бы: «Я не здоров», — разве не оказался бы ты неблагодарным врачу? Разве не оскорбил бы ты тем самым врача? А если Бог исцелил тебя, ты смеешь говорить: «У меня до сих пор еще есть рана». Не боишься ли ты, что он ответит тебе: «Так значит, я ничего не сделал? Или все, что я сделал, я зря расточил, нет мне награды? Не заслуживаю даже похвалы?» Да отвратит Господь такое неразумие и столь пустое пререкание! Пусть человек говорит: «Я грешник» потому, что он грешник; пусть говорит: «Есть у меня грех» потому, что

есть у него грех. Ибо если у него и нет греха, он не мудрее Даниила.

Этот вопрос, братья, я когда-нибудь разрешу до конца. Если праведными названы те, кто называется так по некоей человеческой мере, из-за того общения, в котором они безропотно живут среди людей, — то таких в Риме много, и ради них Бог пощадил город, и многим удалось спастись; но и тех, кто умер, Бог пощадил. Ибо те, кто умер в добром житии и истинной праведности, во благой вере — разве не избавились от тяжести человеческих дел и не пришли к божественным прохладным обителям? Они умерли после скорбей, как тот бедняк при дверях богача. «Но они голодали!» И он голодал. «Они страдали от ран!» И он страдал, и даже, может быть, их меньше лизали собаки. «Они умерли!» И он умер, но послушай, что его ожидало в конце: *Случилось умереть, — говорит Евангелие, — тому бедняку, и отнесли его ангелы на лоно Авраамово* (Лк. 16:20-22).

VI. 6. [Как Бог пощадил город ради праведников. С приближением бедствия Константинополь исправился и был спасен свыше.] О, если бы мы могли увидеть глазами души святых, погибших в этой войне! Тогда вы увидели бы, как Бог пощадил Город. Ибо тысячи святых находятся теперь в прохладных обителях, радуются и говорят Богу: «Благодарим тебя за то, что ты вырвал нас из плотских тягот и мук. Благодарим тебя, ибо теперь мы не боимся ни варваров, ни диавола, не боимся голода на земле, не боимся града, не боимся врага, не боимся ликтора, не боимся притеснителя, но, умерев на земле, мы не умрем у тебя, Боже, спасенные в Царстве твоём, по дару твоему, не по заслугам нашим». Сколь велик город смиренных, который говорит это Богу! Или вы думаете, что город состоит из стен? Город состоит из граждан, а не из стен. Словом, если бы Бог сказал содомлянам: «Бегите, ибо я сожгу место сие», — разве не сочли бы мы большим благом для них, если бы они бежали и сшедшее с небес пламя опустошило бы укрепления и стены? Разве не пощадил бы Бог город, если бы город (civitas) переселился и избежал гибели в этом огне?

7. Помните ли, как несколько лет назад при константинопольском императоре Аркадии (то, о чем я говорю, слышат, быть может, те, кто знает об этом, и есть среди стоящего здесь народа такие, кто там присутствовал) Бог, желая утратить город и утратением исправить, утратением обратить, утратением очистить, своему верному рабу, как говорят, человеку военному, пришел в видении и сказал ему, что город погибнет от сошедшего с небес огня, и велел ему сказать об этом епископу? Тот сказал, и епископ не пренебрег сказанным, но держал слово к народу; обратился тогда город к покаянию, как некогда древняя Ниневия (Иона 3:5). Однако чтобы люди не думали, что сказавший им о предстоящем или обманулся по заблуждению, или обманул их по лживости, пришел тот день, которым грозил Бог; все внимали и с великим страхом ожидали кончины. В начале ночи, когда мир уже погружался во тьму, показалось на востоке огненное облако, сперва небольшое, но потом, мало-помалу надвигаясь на город, оно выросло до того, что надо всем городом страшно навис огонь. Было видно, как нависает ужасное пламя, не отсутствовал и запах серы. Все сбегались в церковь, уже не доставало здесь места для множества людей;

каждый от кого мог исторгал крещение. Не только в церкви, но и по домам, по кварталам и улицам совершалось спасительное таинство во избежание гнева, пусть не настоящего, но будущего. Но после этого великого испытания, когда Бог подтвердил уже слово свое и видение раба своего, облако, как оно росло, стало так же и уменьшаться и мало-помалу исчезло. Немного успокоившись, народ снова услышал, что ему подобает полностью изойти из города, так как в будущую субботу городу предстояла гибель. Изошел весь город с императором; никто не остался дома, никто не запер дома; далеко отойдя от городских стен и озираясь на милые кровы, он попрощался плачевным гласом с покинутыми дражайшими обителями.

И пройдя несколько миль, все это огромное множество, собравшись в одном месте для излияния молитв к Богу, внезапно увидало сильный дым и испустило к Богу великий вопль, но заметив, наконец, установившуюся тишину и послав на разведку, когда миновал предсказанный тревожный час, а разведчики объявили, что все стены и кровы стоят невредимые, все с безмерным ликованием вернулись. Никто ничего не потерял из своего дома, всякий нашел его открытым, как оставил.

VII. 8. [Как и Константинополь, Рим скорее получил увещевание, нежели был погублен.] Что скажем мы? Был это гнев Божий или скорее милость? Кто усомнится, что так милосерднейший Отец хотел исправить и, устрашая, но не губя, наказать, раз никого из людей, ни один из домов, ни одну из стен столь великая нависшая над ними опасность не поразила? Точно так, как иногда поднимают руку для удара, и когда тот, кого надо было ударить, замирает в ожидании, смилостивившись, убирают — так и случилось с этим городом.

Впрочем, если бы в то время, как, оставив город, весь народ удалился, напало на город опустошение и погубило бы его весь, как Содом, не оставив даже развалин, — кто бы и тогда усомнился, что Бог пощадил город, ибо место его было бы уничтожено уже после того как он, предупрежденный и уstraшенный, ушел и переселился. Точно так же не следует ни в малой степени сомневаться, что Бог пощадил и город римлян, который прежде вражеского поджога большею частью своих жителей переселился. Переселились те, кто бежал, переселились и те, кто исшел из тела; многие оставшиеся так или иначе смогли укрыться, многие спаслись в священных местах и остались целыми и невредимыми. Итак, рукою исправляющего Бога Город скорее был наказан, нежели погублен, подобно тому как *раб, знающий волю господина своего, бит будет много* (Лк. 18:47).

VIII. 9. [Польза временной скорби.] О, если бы все это послужило примером во устрашение, и злое похотение, жадное до мира сего и стремящееся к наслаждению пагубнейшими удовольствиями, получило бы скорее обуздание, чем под заслуженнейшими ударами возроптало на Бога, когда он показывает как неустойчива и зыбка вся суэта века сего и все лживые безумства. Но ток получает удары одного молотила, чтобы отделилась мякина и очистилось зерно; и в горниле златокузнеца полыхает один огонь, чтобы шлак обратился в золу, а золото освободилось от загрязнений. Так и Рим претерпел одну скорбь, в которой праведник либо

исправился, либо освобожден, нечестивец же получил осуждение, был ли он вырван из этой жизни туда, где понесет еще большее заслуженное наказание, остался ли здесь, где к еще большему осуждению он богохульствует, или, пожалуй, где Бог по неизреченной своей милости сохранил для покаяния тех, чье спасение предвидит.

Итак, пусть не волнуют нас страдания праведных: это испытание, а не осуждение. Или, может быть, мы ужасаемся, видя, как некий праведник на этой земле незаслуженно и тяжело страдает, и забываем, что вынес праведник из праведников и святой из святых? Что вынес тут весь город, претерпел он один. Но посмотрите, кто этот один! Царь царей и Господь господствующих (Откр. 19:16) был схвачен, связан, бит, запятнан всяческими оскорблениями, на древе повешен и пригвожден, убит. Сравни с Христом Рим, сравни с Христом всю землю, сравни с Христом небо и землю — ничто сотворенное не сопоставимо с Творцом, ни одно произведение не сравнимо с Создателем. *Все через него было сотворено, и без него не было сотворено ничего* (Ин. 1:3), и, однако, преследовавшие вменили его в ничто. Так понесем же то, что Бог велел нам понести; он, как врач, знает, какая — для лечения и исцеления — нам нужна, возможно, и боль. Ясно сказано в Писании: *Терпение соделывает совершенным труд* (Иак. 1:3) — в чем же будет труд терпения, если мы не потерпим ничего неприятного? Отчего мы отказываемся претерпеть временные беды? Может быть, боимся стать совершеннее? Право же, давайте будем молить, и стенать, и плакать пред Богом, чтобы сбылось над нами сказанное апостолом: *Верен Бог, который не позволит вам искушаться сверх того, что вы можете вынести, но с искушением даст и избавление, чтобы вы могли вынести* (1 Кор. 10:13).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См. об этом: *Cameron A. Earthquake 400 // Chiron. 1987. № 17. P. 351-354.*
Специально об особенностях описания этого события у Августина см. *Woods D.C. An Earthquake at Constantinople: Augustine's "De excidio Urbis" VI. 7 // Augustiniana. 1992. № 42. 331-337.*
2. Библейские цитаты приводятся не по Синодальному переводу, а в переводе с латинского текста италийского перевода (*Vetus Italia*) в том виде, в котором его цитирует Августин.
3. Нумерация по Септуагинте. См. также [прим. 2](#).